

ТРАДИЦИИ & АВАНГАРД

Ежеквартальный журнал
художественной литературы

Издается с 2018 года

№ 2 (14) 2023 г.

Содержание

ПРОЗА, ПОЭЗИЯ

Александр Юр. Хлебников	4
Рассказы.....	5
Мирослава Бессонова	24
Глянь, облака посажены на клей... Стихи	25
Сергей Миронов	33
Клинический случай. Рассказ.....	34
Дмитрий Филиппенко	65
На седьмом подземном этаже... Стихи	66
Александр Самойленко	75
Записки квантового человека. Рассказ	76
Вячеслав Колесов	115
Ты только небо не опрокинь... Стихи	116

18+

Лев Лапкин	123
Повелитель мира. <i>Рассказ .....</i>	124
Дарья Фомина	147
Сяду, поеду... <i>Рассказ .....</i>	148
Алексей Сальников.....	157
Никуда мы не денемся друг от друга... <i>Стихи .....</i>	158
Анастасия Волкова.....	162
Медузы. <i>Рассказ .....</i>	163
Илья Чесноков	199
Десять эпизодов службы в стройбате. <i>Повесть.....</i>	200
Мариям Кабашилова	240
Себя разъяри на стихи... <i>Стихи .....</i>	241
Светлана Щербакова	246
Рассказы.....	247

ДРАМАТУРГИЯ

Надежда Колтышева.....	256
Игорёк в табакерке. <i>Пьеса по мотивам произведений В. Ф. Одоевского.....</i>	257
Яна Орехова	284
Орион. <i>Пьеса.....</i>	285

ПУБЛИЦИСТИКА, КРИТИКА, ОЧЕРК

Евгений Попов	320
На пути к Хорошему Человеку. <i>Статья .....</i>	321
Валерия Белоногова	327
Послевкусие прочитанной книги. <i>Рецензия.....</i>	328
Полина Жеребцова	336
Фазиль Искандер и его вселенная. <i>Рецензия .....</i>	337

Проза

ПОЭЗИЯ

Александр Юр, Хлебников

Родился в городе Тулун Иркутской области в 1958 году. Окончил Иркутский политехнический институт по специальности «Архитектура». С 1980 года и по настоящее время – практикующий архитектор, член Союза архитекторов России.

Первые студенческие рассказы были опубликованы на страницах институтского малотиражного издания «За кадры». Затем последовали публикации в литературных приложениях газет «Советская молодежь» и «Восточно-Сибирская правда», а также в иркутских альманахах «Первоцвет» и «Зеленая лампа». С рассказом «Вторник. Энцо Берти. 10:15» в 2005 году вошел в длинный список премии «Национальный бестселлер». Несколько рассказов было опубликовано в сетевом литературно-философском журнале «Топос», веб-журнале «Перемены», на международном портале «Текстура Клуб», а также в критико-литературном журнале «Дегуста.РУ».

Живет в Иркутске.

Поминки

Дождь разошелся и барабанной дробью назойливо ломился в покатую крышу японского микроавтобуса.

Нас – нескольких приятелей покойного – арендованная маршрутка медленно везла на кладбище. С зареванными стеклами, облепленная комьями гряз «тойота» зло рычала на непогоду и выплевывала из своих ржавых легких клубы черного дыма. На ухабах она не держалась колеи раскисшей грунтовки и, пробуксовывая, валилась с боку на бок, как дрессированный медведь, танцующий на задних лапах.

Пассажиры молчали.

Водитель полпути искал радиоволну с нейтральной музыкой и, не найдя подходящей, резко включил магнитолу. Салон тут же заполнил грустный шепот седого питерского бородача. Со своей узнаваемой манерой нагонять невыносимую тоску он невольно «зашел» под наше мрачное настроение...

В пандемию признанный музыкальный гуру не сник. Отсутствию гастрольной жизни он, как и все «звезды», был, конечно же, не рад, но в творческой застой не впал. Наоборот, воспрянул и, как в молодости, раздосадованный духовным обнищанием страны, стал активно плодоносить. Записал новый акустический альбом. Монотонный и совершенно безысходный. В нем под свои незатейливые гитарные рифы он распалил себя. Несколько раз пырнул ножом тревожную политическую действительность. Окропил ее желчными обличениями. И достиг умиротворяющей нирваны, чтобы нудно и многозначительно пробурчать об утраченных свободах и брэнной человеческой сути нам прямо в уши.

Было тошно и мрачно, но стоило одолеть последний предкладбищенский взгорок, как дождь неожиданно прекратился и яркое солнце напомнило нам, что мы проживаем душный июль. Едва мы высыпали из микроавтобуса и пристроились к родственникам покойного, как нас тут же окружили комары. Полчища этих нещадных кровопийц закружили над растянувшейся процессией, досаждая прежде всего мрачным сотрудникам похоронной службы. Взмокшие молодые парни стоически переносили нападки голодной мошки – черная униформа из неплотной хлопчатобумажной ткани их не спасала, а руки были заняты.

Проходя между хаотично скученных оградок, они заметно занервничали и едва не уронили гроб. Но вовремя подоспел старший и помог охнувшему крепышу, который нечаянно запнулся и чуть не свалился в соседнюю свежевырытую могилу.

Мы молча тащились за группой «харонов» и отчаянно отбивались от злобных шаек насекомых. Они кружили над нами, вынуждая хлопать по себе свободными руками, словно вениками в парной.

С прощанием тянуть не стали. И устроитель, поглядывая на часы, казенным языком давал указания тяжело дышавшим парням, которые бесчувственно, но ловко на лентах опустили гроб, переждали всех, кто потянулся бросить в могилу горсть влажной земли, и принялись орудовать лопатами. В общем, погребение прошло тихо. Лишь близкая подруга усопшего, выпившая еще накануне, отголосила, но не долго... И нас, следуя языческим пережиткам, пригласили помянуть покойного.

Друг за другом, с печальными лицами мы потащились в указанном направлении. Омыли руки, подставляя ладони-черпаки под тоненькую струйку воды из пластиковой канистры, которой проворно управляла дальняя родственница

нашего почившего приятеля. Затем сгрудились за одним, небогато сервированным поминальным столиком. Дружно, не чокаясь, выпили из пластиковых стаканчиков недорогой теплой водки, закусив мертвецки холодными блинами. Сделали короткий перекур, разогнав на время комаров пахучими клубами табачного дыма, и вновь выпивали, выпивали, выпивали... а на дорожку смягчили пересохшие гóрла густым клюквенным киселем.

Предпогребальное муторное напряжение, которое тяготило нас с самого утра, чуть спало. Остаточную скорбь от прощальных речей, от барабанной дроби комьев земли, гулко ухавших о крышку гроба, и последние причитания опухшей с утра подруги покойного мы основательно разбавили водкой...

На главной кладбищенской аллее, возле ожидавшего нас микроавтобуса, мы собирались как изможденные окруженцы, выбравшиеся из вражеского кольца. Лавируя между захоронений, вялыми языками цеплялись за своих и говорили уже громко, развязно, а не шепотом, как несколько минут назад возле могильной ямы. Вновь дружно перекурили, угостив сигареткой молчаливого водителя, и о покойнике – близком нам человеке – заговорили совершенно легко. Как на дне рождения. И стали вспоминать его, словно он вовсе не умер, а стоит-сидит рядом, абсолютно невозмутимый, и дымит новомодным вейпом, прихлебывает с манерно оттопыренным мизинцем свой любимый «Хэннесси» прямо из бутылки и даже посмеивается вместе с нами над забавными эпизодами своего жизненного пути.

И нам было что вспомнить.

Потому что покойник, говоря сухим языком, был убежденным низвергателем норм и пошлой банальщины не терпел. Оттого нелепые и невероятно смешные истории, наплывая одна на другую, полетели из разных уст.

Он всегда был везунчиком. Не одно десятилетие имел друга-покровителя, которого иронично называл благодетелем, и решал через него все свои насущные вопросы. При этом шапку никогда не ломал, не заискивал, как стажер перед шефом, и был озабочен прежде всего своей мечущейся душой и беспокойным умом. На злые языки внимания не обращал, а завистникам, которые в беседах теряли берега и пробовали по-хамски шутить, мог плюнуть в лицо или махнуть огромным кулаком. Ибо все годы, что мы знали его, он осознанно чудил, не давая нам шанса усомниться, что его жизнь скучна, – так много в ней было несуразного, но всегда крайне эпатажного. Балансирующего на грани помутнения рассудка. Поэтому никто не удивился, когда его нашли бездыханным на унитазах без трусов с прощальной запиской во рту.

Розовый стикер, зацепившийся за разжатые зубы, пропитался вспененной слюной и несколько раскис. Раскис и сам покойник, «поплывший» в туалете за двое суток безумного отходняка. Мятая пластиковая бутылка с убойной смесью лежала рядом с его опухшими ногами. Трети литра этого недопитого коктейля хватило бы на взвод малахольных самоубийц, и он не пожадничал – оставил на всех. Однако вещдок приобщили к делу. Не к публичному, но которое все же затянулось на целую неделю, породив у всех сомнения, что наш приятель не по доброй воле покинул этот мир. Однако оперативники быстро разобрались и, сверив внешние факторы с судебной-медицинской экспертизой, успокоили близких родственников, пребывавших в полном хаосе. От неведения они не могли определиться с датой предполагаемых похорон и все время перезванивали и перерассылали во все концы страны «уточнения» уже дальним родственникам покойного. Но все равно не угадали. И не все из них успели в морге прикоснуться к вскрытому и неряшливо зашитому телу,

на ноге которого болталась бирка, удивительно похожая на розовый стикер с последним прижизненным пассажем покойного.

Жизнь прирастает дерьмом, дерьмом и выходит.

***

На обратном пути в «тойоте» царил гвалт, и голос распевшегося гуру, вылетавший из колонок, спрятанных под обшивкой салона, в нем безадресно тонул.

– Так, прошу минутку внимания, уважаемые дамы и господа, сеньориты и сеньоры!.. То, что наш друг был человеком, скажем прямо, неоднозначным... напоминать вам, думаю, не стоит. И в это поминально-похоронное говно он ввязываться точно не хотел. И всегда говорил, что не желает гнить в земле. Всегда настаивал, чтобы после смерти его тело отдали на съедение бешеным собакам... ну, или, на худой конец, кремировали.

– Круто!

– А вы видели его лицо? Он как будто спал и усмехался! Словно говорил: «Вам, дуракам, элементарного доверять нельзя!»

– А мы что! Там родственников взвод!..

– Ладно, че уж теперь!

– Что значит «теперь»?.. А как же последняя воля покойного! Мне кажется, что мы упускаем подходящий случай!.. Ставлю на голосование! Кто за?!

– Да ну, что за бред собачий!

– А че, будет забавно или, по крайней мере, в его духе! Не какая-то пошлая клоунская интермедия, а высшая справедливость!.. И вообще, с собаками – это по-настоящему круто!

– Слушайте, вы че, рехнулись?!

– Нет! Лопаты в любом хозяйственном продаются...

- Ты предлагаешь эксгумировать?
- Нет, как лохи, слезами поминать!.. Ну?! Кто за?!
- А че, прикольноенько может получиться!
- Ну и?..
- Ладно!.. Давай разворачивай!..

***

За сочлененными, как поездной состав, шаткими столами поминающих явно не хватало. Они исчезли на обратном пути вместе с обсохшим на ветру японским микроавтобусом, прямо с недовольным водителем и его магнитолой, из которой безадресно звучали омузыкаленные вздохи питерского старца...

Гнетущую атмосферу поминок в небольшом придорожном кафе никто не отменял. Заупокойная тишина, витавшая в узком зале с витражными окнами, зашторенными несвежим серым тюлем, всех тяготила. Горстка близких и дальних родственников Лёхи, поспешно преданного земле, сгрудилась в изголовье стола. Их лица были выразительно безвольны и пусты. Никто из них не желал брать на себя роль расторопного распорядителя, чтобы хоть как-то развеять повисшую в воздухе скорбь по усопшему. Не нашлось никого, кто смог бы впрыснуть в мрачную атмосферу немного душевной теплоты и растормошить невеселых людей. Наконец запустить по кругу пару-тройку пространных тем, обеляющих неоднозначную жизнь покойника, которого многие, как оказалось, при жизни плохо знали. Представитель от ритуального бюро, еще на кладбище обозначивший рамки своих профессиональных обязанностей, отказался войти в положение, сославшись на то, что его ждут в конторе и в его профессиональных услугах нуждаются прочие покойники не только в неоправданно дорогих, покры-